

ЕВГЕНИЯ
БАТУРИНА

ещё
11 минут
погоды

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б28

Батурина, Евгения Анатольевна.
Б28 Еще 11 минут радости : роман / Евгения Батурина. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-244246-9

А что, если счастье — это не одно большое событие, а множество маленьких минут, из которых постепенно складывается целая жизнь?

Ефросинья Василева продолжает вспоминать самые важные мгновения своей жизни. Москва нулевых и десятых. Глянцевые журналы, дедаины, первые мобильники, соцсети, поездки, дружба и любовь...

«Еще 11 минут радости» — продолжение истории Фроси о любви, дружбе, семье, взрослении и удивительной способности человека снова и снова находить повод для счастья.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Е. Батурина, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-244246-9

Радость четырнадцатая

Маленькая девочка

Такой старой, как в двадцать с небольшим, я не чувствовала себя никогда. Все признаки пожилого человека были налицо. Я стала ворчливой, забывчивой, мелочной. Всё новое теперь вызывало у меня не интерес, а опасения или сразу протест. Я часто начинала предложения с фразы «а вот раньше...». Медленно двигалась. Ценила тишину. Любила глупые телешоу и однажды даже поучаствовала в СМС-голосовании за какого-то поющего мальчика. Притом что молодёжь меня в целом раздражала... Я покупала продукты впрок и забывала, куда их положила. Знала, что такое «вступило в спину» и «ноют колени». Считала себя мудрой. И очень мало спала.

Старики не спят, потому что им «осталось-то всего ничего» и «жалко тратить время на сон». Я не спала из-за волчка.

Нет, не того, который придёт и ухватит за бочок, — это сказки для детей. Мой волчок был юлой. Он крутился. И ни в коем случае не должен был упасть.

Становление меня как бабы Фроси с волчком началось в октябре 2001 года.

— Надень кольцо, — предостерегла Алейник у кабинета врача. — И скажи, что замужем.

Гинекологи 202-й поликлиники МГУ не жаловали студенток, вступающих в интимную связь до брака. Это я знала ещё по обязательным осмотрам. Приходишь девственницей — глядят ласково, отпускают с миром. Отвечаешь «да» на вопрос о пресловутой половой жизни — достают (видимо, из морозилки) угрожающе клацающие инструменты и пытаются то ими, то словом. Мне, помнится, на втором курсе сочинили несуществующий диагноз, чисто в воспитательных целях. Голубушкину вообще называли шалашовкой, она, бедная, потом до заикания в ДАСе рыдала...

Так что да. Совет «скажи, что замужем» дельный. Я переодеваю тоненькое колечко с фианитом, подаренное папой на 18 лет, со среднего пальца правой руки на безымянный, поворачиваю камнем вниз, чтоб было больше похоже на обручальное, и шагаю в пыточную.

— Девушка за-амужем! — улыбается вмиг подобревший врач с бородавкой на носу. — Галь, проводи её на креслице. Сейчас поищем ребёночка!

Доктор с бородавкой и медсестра Галя в неправильно застёгнутом халате очень милы со мной. Зачем-то спрашивают, как мы с мужем предохраняемся. Хочется пошутить: «Безуспешно». Но я держу лицо серьёзным и стараюсь, чтобы ноги на рогатках

дрожали поменьше. Играю роль счастливо замужней женщины, у которой только что «нашли» ребёночка.

— Возраст? Сколько полных лет? — интересуется Галя.

— Двадцать. Двадцать один через две недели, — поправляюсь я.

— Норма-ально! — реагирует врач. — Слезай. Чего тянуть-то, правда? Оп! В молодости надо рожать, а не ждать до тридцатника и плакать потом.

Плакать тянет уже сейчас, но не хочется портить доктору настроение. Я думаю о том, что всего месяца назад собиралась в эту же поликлинику за справкой для бассейна. Хороший был день.

— Чего хмурая? Аль не рада? — подначивает врач.

— Да ничего. Думаю, успею ли диплом защитить...

— Не, Галь, диплом её волнует, а! — доктор отечески трясет головой и трёт пальцем бородавку. — Что там у тебя, влияние Пушкина на Кукушкина? Всё, отдипломилась. Люби мужа, нянчи ребёнка, сиди и не рыпайся.

Но я поначалу всё-таки рыпалась.

Например, после посещения гинеколога ещё трижды покупала тесты: а вдруг ошибка. До поликлиники, само собой, тоже покупала. И Алейник привезла мне целую пачку, перевязанную махровой резинкой, — разных фирм, чтоб наверняка. Мы раз-

глядывали все эти тесты, как стереограммы, хотя две полоски — не такой уж сложный узор.

— Ты ж правда так серьёзно к контрацепции относишься! — сетовала Таська. — Говорила, с двух сторон предохранялись...

— С двух, — подтвердила я и отправила тест с мусорное ведро.

— Ну как так-то?!

— Видимо, минус на минус будет плюс.

— Во Бестужев даёт... Математик хренов. Точно Бестужев же? — Алейник повторяла этот вопрос уже в пятый раз, с надеждой.

— Либо он, либо непорочное зачатие.

— А Митька?

— Во Владивостоке. Оттуда нельзя делать детей.

— Да с двойной контрацепцией вроде тоже, а поди ж ты.

Застрали мы, в общем, в стадии отрицания.

— Будешь с ним говорить? — спросила Таська пару дней (и тестов) спустя.

— С кем именно?

— Да вообще-то хорошо бы с обоими, — робко произнесла Алейник и тем вызвала короткую, но бурную стадию гнева.

С Бестужевым я поговорила на стадии торга.

Опять, как и в случае с расставанием (боже, ведь и оно случилось лишь месяц назад!), подготовилась, отрепетировала. Хотела донести такую мысль: он мне

ничего не должен, ребёнок этот — мой, я разберусь. Как разберусь, понятия, конечно, не имела. Просто казалась себе такой взрослой — но ещё не старой — и правильной. Не для того мужчине сообщаю, чтобы он принудительно на мне женился, а для того, чтобы быть честной. Он же отец и имеет право знать. Немножко надеялась, что мне эта честность... зачтётся, что ли. Говорю же, стадия торга.

Я собиралась навестить Бестужева вечером в ДАСе, но внепланово обнаружила его днём на факультете. Он стоял в буфете за столиком, пил кофе и ел песочное кольцо с арахисом. Из пластикового стаканчика торчала пластиковая мешалка.

— Привет, — сказала я. — А ты не на работе?

Бестужев наклонился ко мне, не выпуская из рук стакана с мешалкой, клюнул в щёку:

— Я родственника своего сдаю.

— Опять?!

— Ну, я опять пришёл, а она опять нет.

Бестужев который раз пытался пересдать экзамен по русской литературе за второй курс, чтобы повысить свои шансы на красный диплом. По иронии, тогда он получил трояк за то, что плохо знал творчество писателя Бестужева-Марлинского, а также назвал его Алексеем вместо Александра. Преподавательницу это отчего-то оскорбило, и теперь она назначала Бестужеву пересдачи, на которые не являлась.

— А у тебя какие новости? — спросил он устало, последнюю секунду думая, что однофамилец Марлинский — его главная проблема.

Ну я и выдала свои новости. Без подготовки и совсем не так, как планировала. Что-то типа: «А у меня летом будет ещё один твой родственник. Ребёнок».

Бестужев оглянулся — не слышал ли кто. Аккуратно поставил стакан на столик, передумал, отхлебнул кофе, поставил обратно. Взял кольцо с арахисом в одну руку, другой придержал меня за локоть и стал подталкивать в сторону дверей.

Мы вышли на журфаковское крыльцо. Бестужев похлопал по карманам — искал сигареты. Махнул кому-то призывно, прикурил у знакомого. Кольцо с арахисом так и держал, чуть надкусанное с одной стороны.

— Лёш, извини, что я так... Хотела в ДАС приехать, поговорить нормально.

— «Извини» — в смысле это всё-таки не мой ребёнок?

— Да нет, твой. Помнишь, прощались в ДАСе? Просто...

— Ну, это самое главное, — прервал он меня. — Так. Надо получить права.

— Какие права? Лёш, я хотела сказать, что ты, конечно, можешь принимать участие в воспитании, но...

— Погоди, тебе вообще можно стоять? — он снова перебил.

— Мне можно стоять, да. Если лягу, привлеку ненужное внимание общественности. Лёш, послушай...

— Я курю в твою сторону, давай поменяемся.

— А-а... ладно, давай. — Несколько неловких движений. — В общем, ты можешь принимать участие в воспитании, но ничем мне не обя...

— Мать, конечно, с ума сойдёт. Но мы скажем, что скоро свадьба.

— Какая свадьба, Лёш? — никогда я столько не называла Бестужева по имени.

— Наша свадьба, Фроськин. — Он показательно выпустил дым в противоположную от меня сторону. — Вот тебе кольцо. Пока такое, потом купим настоящее.

Он протянул мне надкушенное кольцо с арахисом. Попытался просунуть в дырочку мой безымянный палец, потом мизинец — не вышло, бракованное испекли.

Наверное, я должна была тогда думать о том, что однажды стану рассказывать эту историю нашему ребёнку как романтическую: «Папа подарил маме кольцо с арахисом на помолвку. Вот прямо там, у дверей факультета, где мы оба учились. А потом появился ты». Или появилась...

Но я думала совсем о другом, увы. Начиналась стадия депрессии.

С Митей за меня в итоге поговорила Алейник.

Она единственная была в курсе ситуации, и то не полностью. Есть вещи, которые никому не расскажешь. Например, в глубине, очень тёмной глубине души я надеялась, что Бестужев отреагирует как гад, сбежит и не захочет иметь отношения к ребёнку.

Тогда у меня было бы полное право стать матерью-одиночкой, а у нас с Митей появился бы шанс... не знаю на что, но появился бы. А теперь, когда Бестужев с разбегу собрался жениться, покупать кольцо без орехов и получать права (автомобильные — он считал, что ребёнка надо возить на машине), этого призрачного шанса я лишилась. И думала о том, как мы с Митей, опять же, всего месяц назад стояли на крыльце журфака и пережидали дождь, а впереди была целая жизнь. Эти мысли разрушали: ведь они означали, что человек я так себе. Ни порядочного гражданина и отца Бестужева не достойна, ни дезинформированного дальневосточного бойфренда Мити. Они оба вели себя нормально — так, как требовали обстоятельства, в которые я их посвятила. Один спрашивал, есть ли у меня токсикоз и на каком УЗИ скажут пол. Другой звонил, писал сдержанные и тем не менее полные нежности СМС, собирался закончить командировку пораньше, чтобы приехать к моему дню рождения. А я чувствовала себя рядовым сотрудником компании, которая оказалась финансовой пирамидой. Понимала: вот-вот явятся обманутые вкладчики и спросят, где деньги...

В какой-то момент я перестала отвечать Мите на звонки и СМС. До встречи с Бестужевым на журфаке отвечала, но не рассказывала о беременности. А потом всё. Я такая — впадаю в ступор, не могу говорить, не умею объяснять.

Поэтому однажды утром Алейник приехала ко мне в Одинцово.

— Ты меня убьёшь, — без надежды на обратное объявила она, и вид у неё был вороватый.

— М? — Я не проявила желания кого-либо убивать или вообще как-либо действовать. Я дверь-то еле открыла, с трудом с кровати поднялась и, пока добралась до прихожей, устала.

— Мне вчера Митька позвонил. Взял мой номер у Дагирова, что ли... Спросил, всё ли у тебя в порядке. Волновался, что ты молчишь.

— А ты что? — я откашлялась, хотя простуженной не была.

— Сначала ничего. А потом подумала, что лучше я объясню, чем ты. Не хотела никак лезть в ваши отношения, просто...

Я её не утешала. Сил не было.

— Фрось, — она заглянула мне в глаза. — Ты меня слушаешь?

— Да. Ты не хотела лезть в наши отношения.

— Правильно. Но в данном случае — ты не берёшь трубки и явно не в состоянии всё это... произнести. А он правда беспокоился. Тем более изда- лека всё всегда страшней. Ну, я обрисовала вкратце. Сказала, что это незапланированная акция. Что ты не виновата. И он не виноват. Это жизнь, и так вот в ней бывает. И что ты ему напишешь, когда сможешь. А пока чтобы дал тебе время...

— Правильно.

— Угу. Он всё правильно понял. Офигел, конечно, но, мне кажется, понял.

Я подтянула шерстяные носки — всё время мёрзла, даже с обогревателем.

— Как он? — спросила со второй попытки, основательно похрипев.

— Господи. — Таська сложила руки, словно в молитве, и вдруг заплакала.

— Ты чего? — У меня даже голос прорезался от неожиданности.

— Да просто... Вы такие хорошие оба! Ты говоришь «как он?» А я без понятия! Он о тебе только и спрашивал... Напишешь ему?

Я написала. Долго сочиняла то послание. Хотела сделать его всеобъемлющим и сильнодействующим (что немного затрудняла необходимость писать транслитом). Объяснить и объясниться. Оправдать себя и Бестужева заодно. Избавить Митю от боли и возможного чувства вины. Выразить всё, что испытывала к нему. Попросить прощения. Обнять напоследок.

Вроде бы получилось. Три СМС отправила латиницей, в одно ничего не вошло. Закончила я своё письмо словами: *Pozhaluysta, ne otvechai.*

Митя послушался.

Последовавшая за этим стадия принятия понравилась мне меньше всего.

Особенно тем, как мои новости воспринимали другие люди.

Желая быть честной не только с Бестужевым, но и со всем миром, я рассказала о беременности на работе. Пришла к начальницам, Ахматовой и Цве-

таевой, поделилась своими планами: трудиться собираюсь до последнего, готова ехать в роддом прямо из редакции интерьерного журнала, вернусь как можно скорее, на время отсутствия подыщу замену...

Мой испытательный срок закончился тут же, с треском. В качестве выходного пособия Анна с Марией выдали разочарованную тираду: «Как же вы нас подвели!» — и двери жёлтого особнячка на Пятницкой улице захлопнулись за мной навсегда.

Чтобы подобного не произошло с одинцовской квартирой, я решила пока скрыть своё положение от домохозяина Волошина. Но лгуном была неопытным, поэтому оставила на кухне витамины для беременных. Прямо посреди стола, как фирменное блюдо. Волошин приехал за деньгами, сел за стол их пересчитывать (ему из-за комплекции тяжело было подолгу стоять), прочёл надпись на коробке с витаминами и тихо, зло проговорил: «Да что ж вы все одинаковые-то. Врут да врут. Снимет девка, а живёт с хахалем!» Я открыла рот, чтобы оправдаться — жила-то честно одна! — но Волошин уже вынес вердикт: «1 декабря чтоб вас тут обоих не было». Поэты жестоки и подозрительны...

Впрочем, меня все в чём-то подозревали. Маргарита Степановна Бестужева, конечно же, решила, что я забеременела нарочно, дабы захомутать её сына. В Серпухове тем вечером было неуютно. Мы с Бестужевым сидели перед его матерью, как два юных поджигателя перед пожарным.

— Может быть, вам помочь? — спросила я, когда на кухне что-то агрессивно зашипело.